

Мужчина нахмурил соболиные брови, поднял руку, чтобы нажать на кнопку вызова у изголовья кровати, вернул полотенце в таз, застегнул пуговицы рубашки одну за другой, а затем вылил воду и стал ждать дежурного врача на диване в палате.

— ... — Цан Мо сейчас даже не знал, как описать свои чувства.

Он был так потрясен из-за таинственной татуировки на ключице мужчины. Цан Мо помнил, что видел точно такую же у своего любовника из далекого-предалекого прошлого. Почему же в этом мире появилась абсолютно идентичная татуировка?

Строго говоря, он так отчетливо помнил любовника из того далекого мира главным образом потому, что тот был единственным, с кем он почти что оказался в постели, а та самая загадочная татуировка располагалась как раз у него на лопатках.

Этот любовник был для Цан Мо самым незабываемым. Он был даосом, и они провели вместе несколько сотен лет в том мире, прежде чем тот постепенно открыл свои чувства.

Однако даос обычно вел праведную и отрешенную жизнь. Лишь однажды, когда Цан Мо соблазнил его свитком с техниками обоюдного совершенствования, невозмутимый любовник кивнул, соглашаясь. Но кто бы мог подумать, что, как только они оба сняли штаны, тот мир внезапно рухнет. Цан Мо даже не успел поцеловать своего любовника, как его отправили обратно в Пространство системы.

Легко представить, как сильно Цан Мо тогда разозлился. Вернувшись в Пространство системы, он чуть не разнес его по кирпичику. Именно тогда неторопливо объявилась система. На вопрос Цан Мо, почему она выбрала именно этот момент для разрушения мира, система невозмутимо ответила шестью иероглифами: «Слишком тяжелая судьба, губитель мужей».

Цан Мо и сам знал, что он — Одинокая звезда губительной судьбы, и сколько бы раз он ни умирал, эту судьбу не изменить. Быть с кем-либо, пусть даже с простым набором данных, для него было совершенно невозможно. Но он просто отказывался в это верить. Каждый раз, выполняя задание в новом мире, он выбирал кого-то по душе и завязывал роман. И каждый раз, стоило чувствам достичь определенной глубины, его возлюбленный погибал от какой-нибудь нелепой случайности. Даже если любовник был бессмертным, он все равно рассеивался в небытие из-за несчастного случая.

Цан Мо сам по себе был отбитым на всю голову психом. Поначалу, столкнувшись с возможностью путешествовать по бесчисленным мирам и выполнять довольно простые для него задания, он находил это забавным.

Но после бесчисленных выполнений заданий, выданных системой под кодовым номером АЗ, когда каждый раз ему не удавалось вступить в близкие отношения с любовником текущего мира, симптомы безумия Цан Мо только усугубились. Он перестал обращать внимания на поручения системы АЗ и в любом мире стал творить всё, что пожелает. Если он был в хорошем настроении, то заодно выполнял задания АЗ, а если какое-то из них ему не нравилось, он злонамеренно ломал сюжетную линию мира, заставляя его отклоняться от заложенной программы. В конце концов система АЗ окончательно отреклась от него, и когда его уже собирались стереть, некая загадочная система спасла его душу и приютила у себя.

Избавившись от оков системы АЗ, он стал еще более бесцеремонным. Новая таинственная система, приютившись его, почти никак его не ограничивала — лишь изредка сообщала, в какого человека в каком мире предстоит вселиться, а в остальном позволяла действовать так, как ему вздумается.

Впрочем, с тех пор как Цан Мо нашел приют, в какой бы мир он ни отправлялся, этот мир неизменно оказывался исковеркан до неузнаваемости и даже разрушался.

Постепенно Цан Мо понял, что как бы отвратительно он себя ни вел, таинственная система никак на это не реагирует, и с тех пор стал вести себя еще более непринужденно. Например, в прошлой жизни он нарочно превратил Чэн Вэйтаня и Шэнь Мэньинь, которые изначально были созданы друг для друга, в злейших врагов. Причина заключалась лишь в том, что в имени Шэнь Мо был тот же иероглиф, что и в его собственном, поэтому он решил помочь Шэнь Мо достичь величия.

Теперь же, в самый первый день после прибытия в этот мир, его потрясла знакомая загадочная татуировка. Цан Мо ни за что не поверил бы, что это просто совпадение: за этим рисунком наверняка скрывался какой-то особый смысл.

Не успел он погрузиться в раздумья, как дежурный врач неторопливо открыл дверь палаты и вошел внутрь, обращаясь к сиделке:

— Что случилось?

Сиделка бесстрастно ответила:

— Конвульсии.

Цан Мо не нашелся, что ответить:

— ...Врач очень поверхностно осмотрел его, не найдя никаких проблем, и бормотал себе под нос с недовольством: Эти мажоры вечно занимаются всякой дурью. Клан Жун уже катится к закату, а он всё ещё ведет себя как избалованный принц, не ведающий забот: то пытается покончить с собой, то угрожает другим. Посмотрю я, чем он будет пугать людей, когда Клан Жун окончательно рухнет. С такой распушенностью и привычкой транжирить деньги он рано или поздно сам себя сведет в могилу.

Дверь за врачом закрылась, отрезая его ворчание от комнаты. Голос врача был не слишком громким и не слишком тихим — как раз настолько, чтобы Цан Мо и мужчина-сиделка могли расслышать. Тем не менее, один из них был совершенно равнодушен, а другому было абсолютно всё равно, и с поразительным взаимопониманием оба сделали вид, что ничего не слышали.

Убедившись, что с Цан Мо всё в порядке, сиделка снова отправилась в ванные комнаты за теплой водой и продолжила обтирать его тело.

— Ты кто? — Цан Мо нарочно снял кислородную маску на глазах у мужчины, демонстрируя, что он абсолютно здоров, в надежде посмотреть, удастся ли напугать сиделку.

Однако реакция мужчины свелась к тому, что он просто продолжил свое дело — ни слова не говоря и даже не глядя на него, словно ничто на свете не могло его отвлечь. В этот момент на руках мужчины уже были надеты прозрачные перчатки, и он принялся расстегивать штаны Цан Мо.

— Что ты собрался делать? — совершенно не обращая внимания на отношение мужчины, с насмешливой улыбкой на лице осведомился Цан Мо, прекрасно зная ответ, но продолжая задирать его.

Мужчина-сиделка проигнорировал его слова, вместо этого медленно стянув с него штаны и полностью обнажив его нижнюю часть тела.

— Ты собираешься мыть мне член? — Цан Мо вёл себя как бесстыдный и пошлый мужик, голышом поддразнивая сиделку.

Однако сиделка оказалась куда более равнодушной, чем предполагал Цан Мо: отжав полотенце, он принялся протирать его прямые, длинные и стройные ноги.

Цан Мо, казалось, вовсе наслаждался действиями мужчины, даже несмотря на то, что тот обращался с его телом так, будто протирал обычный чайный столик.

— У основания бедер три получше, и про головку не забудь, крайнюю плоть обязательно оттяни, — отдал распоряжение мужчина, словно строгий начальник, если, конечно, не принимать в расчет его непослушный плотский уд, который медленно наливался силой и увеличивался в размерах. Он изначально полагал, что это заставит мужчину отреагировать как-то иначе, но к его удивлению, сиделка-мужчина от начала и до конца не поднял на него ни взгляда. Даже когда Цан Мо увидел, что у него там всё встало, тот не нахмурился ни на секунду — просто накрыл полотенцем, словно протирал какой-то изысканный бокал, тщательно омывая яички и заднюю промежность, ничего не упуская.

Если бы не тот факт, что на лице мужчины от начала и до конца не промелькнуло ни единого лишнего выражения, а между ног не наблюдалось никаких аномальных изменений, Цан Мо почти решил бы, что эта сиделка — гей, который крайне равнодушен к его телу. Желая убедиться, не изменило ли ему зрение, Цан Мо молниеносным движением протянул руку и в один миг схватил массивную плоть меж ног мужчины — ту самую, которую его мягкая и бессильная рука даже не смогла бы полностью обхватить. Лишь после этого он окончательно убедился, что перед ним вовсе не извращенец, как он подумал.

Этот поступок Цан Мо всё же увенчался успехом: ему удалось привлечь внимание мужчины. Тот с милостивым видом посмотрел на Цан Мо — в его глазах не было ни ряби, ни волнений, он просто неподвижно уставился на него.

— Ха-ха, неплохо, а вещица-то внушительная, — приподняв брови, поддразнил Цан Мо и, набравшись наглости под пристальным взглядом мужчины, пошло сжав чужой корень пару раз, неторопливо разжал пальцы.

Только после этого мужчина отвел взгляд и продолжил протирать Цан Мо нижнюю часть тела. К этому моменту Цан Мо уже ни за что не назвал бы мужчину пустышкой с напускной грозностью. Хотя он и не понимал, зачем тот устроился к нему в сиделки, Цан Мо точно знал: этот мужчина невероятно прост.

Впрочем, Цан Мо ничуть не возражал против того, что мужчина мог сближаться с ним по чьему-то злому умыслу. У него хватало возможностей оставаться в полной безопасности и выходить невредимым из любых хитроумных интриг, с какими бы кознями ни пришлось столкнуться.

Будет день — будет пища. Какими бы ни были истинные цели приближения этого мужчины, когда придет время, всё тайное станет явным. Раз уж выдался случай повстречать столь невозмутимого и забавного чурбана, который разжег в нем такой интерес, было бы непростительно упустить возможность повеселиться.

Цан Мо искривил губы в зловещей усмешке.

<http://bllate.org/book/21243/2149052>